

Село Кормовое, Черноярскаго уѣзда *).

Село Кормовое расположено по южному склону высокой и продолговатой возвышенности. Названіе свое получило отъ слова „кормить“, потому что здѣсь, лѣтъ 50 тому назадъ, когда еще не было этого села, фурцики, проѣзжающіе изъ Царицына въ Ставрополь и обратно, останавливались кормить своихъ воловъ и лошадей; чему много благопріятствовало обиліе здѣсь травы и родниковъ съ вкусной водой. Послѣднее по Царицынско-Ставропольскому тракту составляетъ не малую рѣдкость, такъ какъ къ сѣверу отъ Кормоваго почти по всему тракту вода солоноватая, а къ югу вереть на 25, т. е. до границы Ставропольской губерніи, совершенно соленая. Вотъ почему с. Кормовое на калмыцкомъ языкѣ называется *Кичинъ-Булакъ*, что по переводу однихъ означаетъ „теплый родникъ“, а другихъ — „сладкій источникъ“. Въ балкѣ, среди села, и въ настоящее время находится много родниковъ, изъ которыхъ дѣйствительно истекаетъ въ изобиліи вода мягкая, легкая и пріятная на вкусъ; а потому и колодцы роются неглубоко, — не больше сажени и даже меньше.

Жители села Кормоваго почти все крестьяне малороссы, выходцы изъ губерній: Воронежской, Харьковской и Екатеринославской. Перешли они сюда на основаніи инструкціи отъ 10 декабря 1846 года о заселеніи дорогъ въ калмыцкой степи, чтобы обезопасить проѣздъ отъ калмыковъ, занимавшихся грабежами и нападеніями на проѣзжающихъ съ товарами изъ Царицына въ Ставрополь и обратно, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріучить калмыковъ къ осѣдлой жизни и хлѣбопашеству. Съ 1848 года началось водвореніе крестьянъ и такимъ образомъ образовались небольшіе поселки, которые сначала получили названіе станицъ, а съ 1862 года, какъ видно изъ церковныхъ документовъ, стали называться селеніями. Жители села Кормоваго занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, чему прежде много благопріятствовали обширныя степи. Благодаря привольности степей и плодородной землѣ, народъ жить здѣсь довольно богато, хотя и

*) Свѣдѣнія заимствованы изъ церковной лѣтописи, составленной въ 1877 году, и другихъ церковныхъ документовъ.

сейчасъ нельзя считать его бѣднымъ. Въ послѣднее время условія жизни, однако, сильно измѣнились къ худшему, чему способствовало не столько неурожай хлѣба, сколько падежъ скота, влѣдствіе котораго запрещено сообщеніе на волахъ съ сосѣдними губерніями—Ставропольской и Донской, куда, главнымъ образомъ, они сбывали избытокъ хлѣба, шерсти и другихъ произведеній. По этой же причинѣ совершенно упали прежде процвѣтавшія ярмарки: Крестовская (12 верстъ отъ Кормоваго) и Ремонтинская (38 в.). Другихъ какихъ-либо занятій здѣсь нѣтъ и не можетъ быть, потому что нѣтъ ни рѣкъ, ни озеръ, а слѣдовательно, нѣтъ никакой рыбы; нѣтъ также и лѣсовъ. Лѣсъ здѣсь весьма дорогъ. Доставляется онъ исключительно изъ Царицына, за 350 верстъ, почему дома и вся пристройка дѣлаются изъ глинобитнаго кирпича. Достойно замѣчанія: въ селѣ нѣтъ ни одного деревяннаго дома, исключеніе составляютъ дома причта, но и то — жалкое исключеніе. Впрочемъ, вмѣсто лѣсу, въ горѣ, не далеко отъ села, природа въ изобиліи доставляетъ дикарь—желѣзнякъ, который жители ломаютъ и употребляютъ для фундаментовъ домовъ и для изгороди дворовъ. Кромѣ того изъ него выдѣлываютъ кресты на могилы, камни на мельницы и камни для обмолотки хлѣба, а одинъ крестьянинъ изъ этого камня построилъ довольно капитальную мельницу. Вообще говоря, дикарь-желѣзнякъ въ настоящее время употребляется въ совершенно необработанномъ видѣ, а потому и не приноситъ жителямъ надлежащей пользы. На той же горѣ, въ земляныхъ курганахъ, находили прежде (теперь же нѣтъ) высѣченныхъ изъ упомянутаго дикаря болвановъ, въ ростъ человѣка, со сложенными на груди руками, которые и ставились крестьянами у воротъ, вмѣсто столбовъ. Можно полагать, что эти болваны были памятниками надъ могилами умершихъ. Въ селѣ много находится такихъ болвановъ; у нѣкоторыхъ высѣчены даже ермолки. Очевидно, они относятся ко времени мамайщины.

Всякаго новичка въ этой мѣстности поражаетъ глиняная постройка; тоже самое встрѣчается и при вѣздѣ въ с. Кормовое: всюду глина и солома. Счастливое исключеніе составляетъ мѣстный храмъ -- во имя святителя Николая Чудотворца. Храмъ

сей величественно выдѣляется изъ окружающихъ его построекъ. Большой деревянный, окрашенный бѣлою краскою, съ желѣзною крышею, окрашенною зеленою краскою, и пятью вызолоченными крестами, онъ ясно свидѣтельствуемъ о набожности прихожанъ, въ чемъ еще болѣе убѣждаешься по входѣ во внутреннюю часть храма. Мѣстныя иконы Спасителя и Божіей Матери, прекрасной живописи, служатъ украшеніемъ иконостаса, въ которомъ иконы перваго яруса выписаны изъ Москвы, весьма хорошей работы на золотомъ фонѣ. Всѣ стѣны храма росписаны живописью. Церковная утварь и священническія облаченія вполне соответствуютъ своему высокому назначенію. Потиръ, стоящій 490 рублей, массивный самъ-по-себѣ, украшенный живописными изображеніями на серебряныхъ пластинкахъ, составляетъ рѣдкость храма. Въ настоящемъ своемъ видѣ храмъ существуетъ только съ 1877 года, до этого же времени былъ небольшою деревянною, крытый тесомъ. Народъ къ храму Божию дѣйствительно весьма усерденъ *); въ воскресные и праздничные дни ходятъ въ храмъ неопустительно; къ церковнымъ поученіямъ относятся со вниманіемъ. Нѣтъ, поэтому, въ немъ никакихъ выдающихся пороковъ, напр., разгульнаго пьянства, буйства, безчиннаго препровожденія времени на рождественскихъ и пасхальныхъ святкахъ и на масленицу. Не замѣчается также среди прихожанъ никакихъ предразсудковъ и суевѣрій. Единственное, что можетъ обратить на себя вниманіе посторонняго наблюдателя, это свадебныя гулянія, обставленныя какъ-то фантастически, а потому объ этомъ считаемъ не безынтереснымъ сказать здѣсь болѣе подробно.

Изъ церкви, по совершеніи брака, женихъ и невеста идутъ въ домъ родителей жениха, гдѣ закусываютъ, чемъ Богъ послалъ. Послѣ чего молодая уходитъ къ своимъ родителямъ и живетъ у нихъ иногда болѣе мѣсяца, словомъ, до того времени, когда сваты найдутъ возможнымъ приступить къ свадьбѣ. Подъ именемъ свадьбы разумѣется гулянье, въ которомъ главнымъ образомъ фигурируютъ женихъ и невеста, подъ именемъ князя и княгини.

*) Эта черта прихожанъ была замѣчена и высшею Епархіальною властію. Въ 1877 г. преосвященный Хрисанфъ, обозрѣвая епархію, посѣтилъ и село Кормовое и выразилъ свою благодарность обществу за усердіе къ храму, который въ то время только что былъ оконченъ.

Все гуляніе сводится къ пѣнію пѣсенъ и катанью на лошадахъ. Муцины, преимущественно молодые мужики и парни, подъ именемъ бояръ, ѣздятъ верхами; среди нихъ находится и женихъ; а женщины-свахи—въ телѣгахъ; причеъ у одной свахи въ рукѣ находится букетъ цвѣтовъ и въ серединѣ его горящая свѣча, а у другой—мѣшокъ съ *шишками* *). Такое катанье называется поѣздомъ. Поѣздъ иногда начинается тотчасъ послѣ обѣда и продолжается до вечера. Невѣста-же въ это время, наряженная въ тотъ костюмъ, въ которомъ вѣнчалась, ходитъ съ своими подругами по сему и созываетъ гостей. Особенность убранства не-вѣсты слѣдующая: волосы заплетены въ косу и спущены, голова бываетъ разукрашена цвѣтами, а платье или пальто подпоясано полотенцемъ со спущенными концами. Созывая гостей, у родственниковъ не-вѣста проситъ благословенія, при чемъ три раза кланяется въ землю. За благословеніемъ же приходитъ не-вѣста и къ священнику, что для послѣдняго представляетъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ случаевъ сдѣлать соответствующее наставленіе. Не забываются при этомъ и умершіе родственники: не-вѣста посѣщаетъ и кладбище и кланяется на могилахъ умершихъ. Вечеромъ она приходитъ домой, гдѣ уже собралось много народу и садится за столъ съ своими подругами. На столѣ въ это время находится большая шишка, въ которую вставляются три тоненькія палочки, вышиною съ аршинъ, украшенные цвѣтами и перевязанныя красной лентой. Тотчасъ за не-вѣстой бояринъ приводитъ жениха и три раза проситъ позволенія войти въ домъ молодому князю, а затѣмъ три раза проситъ позволенія завести за столъ молодого князя. По троекратномъ согласіи, молодой идетъ за столъ, но здѣсь его не пускаютъ маленькія дѣти—братья не-вѣсты, вооруженные связками изъ васильковъ; волей-неволей жениху приходится подкупать стражу конфектами, орѣхами, пряниками и деньгами, послѣ чего женихъ садится рядомъ съ не-вѣстой, а рядомъ—свахи съ букетомъ (изъ цвѣтовъ) и шишками. Послѣ этого сначала отецъ, а потомъ мать подносятъ молодымъ, свахамъ, боярамъ и родственникамъ по

*) Подъ „шишками“ разумѣются небольшія, круглыя булки, украшаемыя небольшими конусообразными налѣпками изъ тѣста.

стакану вина, при семь женихъ и невѣста стоятъ и кланяются вынимающему, а затѣмъ слѣдуетъ раздача подарковъ и раздача шишекъ; послѣднiя даются всѣмъ присутствующимъ. Когда все это кончится, свахи приступаютъ къ надѣванiю шлычки (чепца) на невѣсту. Предварительно свахи становятся по обѣ стороны невѣсты, у одной на головѣ картузъ жениха, а у другой цвѣтокъ съ головы невѣсты, и колышутъ надъ невѣстой платокъ и поютъ:

Покрывалка плаче,
 Покрываться хоче,
 Не такъ покрываться,
 Какъ поцѣловаться.

Цѣлуются и мѣняются картузомъ и цвѣткомъ. И такъ три раза. Затѣмъ одна изъ свахъ три раза обводитъ кругомъ головы невѣсты букетомъ цвѣтовъ и тушитъ свѣчку, а дѣвки снимаютъ съ невѣсты цвѣты и дѣлятъ между собою. Далѣе сваха развязываетъ косу, которую дружки завязываютъ какъ можно крѣпче и нарочно натираютъ перцемъ, предугадывая, что свахѣ при развязыванiи придется употребить въ дѣло зубы. Развязавъ косу и залятя ее на двѣ половины, сваха старается надѣть шлычку, невѣста изо всѣхъ силъ сопротивляется, вырываетъ шлычку и бросаетъ въ народъ. Много стоитъ хлопотъ свахѣ надѣть шлычку и подвязать платокъ. Какъ только она достигнетъ этого, дѣвки сейчасъ же ломаютъ убранство съ шишки, которая стояла на столѣ, а невѣста беретъ бутылочку и подноситъ жениху, свахамъ и родственникамъ, а потомъ опять жениху и разбиваетъ обѣ столъ рюмку. Послѣ этого молодые получаютъ благословенiе отъ родителей невѣсты и ѣдутъ въ домъ жениха. По выходѣ изъ дому, молодые и свахи три раза обходятъ кругомъ стола и въ приплясъ поютъ:

Старый оселедцѣ (селедка)
 Не стоишь и рѣдьки,
 Ни старой, ни малой,
 Ни молодѣнькой.
 Ни успывъ жыныться
 Стала жинька быться.

Послѣ этой пѣсни невѣста садится въ телѣгу, а женихъ съ плѣтью въ рукѣ три раза обходитъ кругомъ телѣги и бьетъ плетью по телѣгѣ, выражая тѣмъ свою власть надъ невѣстой. Затѣмъ уѣзжаютъ.

Этотъ обычай, въ которомъ проглядываетъ нѣсколько суевѣрныхъ обрядовъ, прежде былъ весьма распространеннымъ въ народѣ, въ послѣднее же время, благодаря своевременнымъ внушеніямъ пастырей церкви, сталъ выводиться, и можно думать, что недалеко то время, когда онъ совершенно уничтожится, особенно когда на помощь пастырямъ явится образованіе, котораго, къ сожалѣнію, до настоящаго времени жители были почти совершенно лишены. Правда, въ 1877 году здѣсь была открыта церковно-приходская школа, но ея скромное существованіе не могло принести тѣхъ плодовъ, какихъ должно ожидать отъ школы, тѣмъ болѣе, что при ней не было ни приличнаго помѣщенія, ни учителя, какъ отдѣльнаго лица, ни пособій. Въ послѣднее время этотъ пробѣлъ существенно пополнился. Съ 1886 года, со времени назначенія діаконъ-учителей, церковно-приходская школа стала на твердую почву; кромѣ того, съ 1889 года открыта здѣсь и Министерская школа, довольно прилично обставленная, съ учителемъ изъ учительской семинаріи, и въ нынѣшнемъ 1891 году положено начало выпускныхъ экзаменовъ.

Вмѣстѣ съ прихожанами по украшенію храма не мало потрудились и его служители священники; изъ нихъ нѣкоторымъ были объявляемы благодарности и награды Епархіальнаго Начальства; а потому скажемъ и о нихъ нѣсколько словъ.

Первые два священника о. Андрей Касаткинъ и о. Антоній Ташлинцевъ только временно завѣдывали приходомъ съ 1 мая 1858 года по 19 сентября того же года, а потому объ нихъ свѣдѣній никакихъ не имѣется. Извѣстно только, что о. Касаткинъ завѣдывалъ Пріютинскимъ приходомъ, отстоящимъ отъ села Кормоваго на 18 верстѣ, а о. Ташлинцевъ жилъ въ селѣ Дивномъ (нынѣ Гарадачи, Ставр. губ.), въ 40 верстахъ отъ Кормоваго. Оба—старцы, были заштатные. Первымъ штатнымъ священникомъ былъ о. Михайлъ Ивановъ Кутлинскій, который по окончаніи курса наукъ въ А. Д. семинаріи въ 1856 году съ свидѣтель-

ствомъ 2 разряда 31 декабря того же года Епархіальнымъ Начальствомъ опредѣленъ былъ учителемъ въ Пришибинское сельское училище, Царевского уѣзда, гдѣ и состоялъ до 1 мая 1858 года, а 22 іюля рукоположенъ Высокопреосвященнѣйшимъ Аѳанасіемъ во священника къ молитвенному дому села Кормоваго, откуда въ 1869 году переведенъ въ село Вязовку, Черноярскаго уѣзда. О личности о. Михаила народъ отзывался съ большою похвалою. Онъ былъ человекъ трезвый и исполнительный, но съ нимъ случилась одна печальная исторія, которая совершенно измѣнила его образъ жизни и довела до конечной гибели. Возвращаясь изъ села Приютнаго, о. Михаилъ попалъ въ руки калмыковъ, которые, сначала вдоволь издѣвавшись надъ нимъ, затѣмъ избили плетью и отобрали лошадей. Эта несчастная исторія такъ сильно повліяла на его умственные способности, что въ послѣдующей его жизни совершенно нельзя узнать о. Михаила. Впослѣдствіи онъ даже лишился священническаго сана изъ-за нетрезвой жизни. Здѣсь же кроется причина сумашествія его дѣтей, Владиміра и Александра, родившихся послѣ этого случая; между тѣми старшіе совершенно не похожи на нихъ, изъ которыхъ одинъ нынѣ священствуется въ слободѣ Владиміровкѣ.

На мѣсто выбывшаго о. Михаила поступилъ вновь рукоположенный въ 1869 году Преосвященнѣйшимъ Θεогностомъ студентъ А. д. семинаріи Андрей Ивановъ Кораблевъ, который прослужилъ здѣсь до 1873 года апрѣля мѣсяца, въ которомъ онъ, по волѣ Епархіальнаго Начальства, переведенъ настоятелемъ походной миссіонерской противу-молоканской Свято-Троицкой церкви, Царев. уѣзда. Покойный о. Андрей пользуется любовью народа и по-нынѣ за свое мастерское проповѣдничество. Говорилъ проповѣди часто и безъ тетрадки; этотъ даръ слова, думаемъ, и послужилъ причиной его перевода на миссіонерскую дѣятельность, гдѣ онъ могъ быть болѣе полезнымъ.

За выбытіемъ о. Андрея поступилъ въ 1873 году священникомъ вновь рукоположенный Преосвященнымъ Θεогностомъ студентъ той же семинаріи о. Іоаннъ Болтинскій и прослужилъ здѣсь до 1876 года, въ которомъ по прошеніи уволенъ въ Донскую епархію къ церкви Манычскихъ соляныхъ озеръ, гдѣ и

скончался. На мѣсто о. Волтинскаго поступилъ въ 1876 году священникъ о. Іоаннъ Семеновичъ Фаворскій, окончившій курсъ А. д. семинаріи въ 1860 году съ званіемъ студента. Изъ формулярнаго его списка видно, что онъ сначала былъ опредѣленъ къ Капустиноярской Николаевской церкви вторымъ священникомъ, гдѣ за увеличеніе свѣчной суммы была объявлена ему благодарность Епархіальнаго Начальства и за девятилѣтнее прохожденіе должности учителя сельской школы Преосвященнымъ Θεогностомъ награжденъ набедренникомъ. О. Іоаннъ Фаворскій много потрудился для прихода: при немъ была отстроена и приведена въ настоящій порядокъ настоящая церковь. Онъ открылъ церковно-приходскую школу и церковно-приходское попечительство. За означенныя дѣйствія ему была объявлена благодарность Преосвященнаго Хрисанѳа, а затѣмъ въ 1877 году онъ награжденъ фіолетовою скуфьею. Въ апрѣлѣ 1879 года о. Іоаннъ, согласно прошенію, былъ переведенъ въ село Пологое-Займище, а вмѣсто него въ томъ году поступилъ о. Іоаннъ Богородицкій, кончившій курсъ семинаріи въ 1878 году съ званіемъ студента. При о. Богородицкомъ достроены причтовые дома, въ сущности весьма плохіе, ибо строились, когда не было священника, а безъ хозяина, какъ говорится, товаръ плачетъ. При о. Богородицкомъ построена каменная ограда изъ жженого кирпича, стоящая 3000 рублей. О. Іоаннъ Богородицкій пробылъ въ приходѣ всего 2½ года. Причина такого кратковременнаго служенія въ Кормовомъ была та, что онъ на третьемъ году супружеской жизни внезапно лишился своей супруги, которая умерла послѣ родовъ. Это печальное обстоятельство сначала онъ принялъ съ полною покорностію, волю Божіей, а потому въ 1882 году онъ поступилъ въ число студентовъ Казанской духовной академіи, намѣревался совершенно отрѣшиться отъ міра житейскаго, такъ жестоко оборвавшего разгаръ молодой и здоровой жизни, но скоро убѣдился, какъ трудно для молодаго человѣка, нѣсколько свыкшагося съ семейною жизнью, отказаться отъ міра и всѣхъ ея кажущихся прелестей. Даже веселость товарищескаго академическаго кружка, еще неиспытаннаго тяжестей житейскихъ невзгодъ, стала ему не подъ силу и онъ принужденъ былъ оставить академію и снова

поступилъ приходскимъ священникомъ, но не надолго. Черезъ два года, приблизительно, вслѣдствіе его неотступнаго ходатайства предъ Начальствомъ, съ него былъ снятъ священнической санъ и нынѣ онъ служитъ чиновникомъ въ г. Новочеркасскѣ. Народъ съ удовольствіемъ воспоминаетъ о. Іоанна. Поступилъ онъ на приходъ очень молодымъ—20 лѣтъ. Къ своимъ священническимъ обязанностямъ относился всегда съ охотою и вниманіемъ. Къ прихожанамъ былъ добръ, разговорчивъ, уважителенъ; характера вообще былъ очень общительнаго. Въ теченіи своего кратковременнаго служенія о. Іоаннъ успѣлъ оставить по себѣ добрую память. Онъ на свои средства пріобрѣлъ полное священническое облаченіе очень цѣнное. Но не священническимъ облаченіемъ, а и другими пріобрѣтеніями памятенъ о. Іоаннъ. Благолѣпіе церковной службы и по-сейчасъ украшается трудами о. Богородицкаго. Онъ образовалъ хоръ пѣвчихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ и разучилъ съ ними весьма многое и полезное. Хоръ Кормовскихъ пѣвчихъ и по-сейчасъ славится между сосѣдними. Трудно повѣрить—нѣкоторые крестьяне свободно могутъ пѣть по нотамъ даже незнакомое. „Прежде, батюшка, еще лучше пѣли; теперь многихъ уже нѣтъ изъ тѣхъ пѣвчихъ, которыхъ научилъ о. Іоаннъ. За то и училъ онъ. Бывало собереть въ субботу рано и до вечера не отпустить, а послѣ вечерни опять велить приходить. Соберемся вечерами и поемъ далеко за полночь“. Только подобные рассказы и могутъ объяснить появленіе пѣвчихъ въ такомъ глухомъ селѣ, какъ Кормовое. Самъ о. Іоаннъ былъ любитель пѣнія и во время обученія въ семинаріи состоялъ въ числѣ пѣвчихъ. Въ то же время онъ былъ и хорошій музыкантъ. Отлично, говорятъ, игралъ на фисгармоніи, которая много помогала ему при обученіи крестьянъ: „стукнетъ объ косточку и кто завздоритъ, сейчасъ же и поправится“, рассказываютъ пѣвчіе.

На праздное мѣсто послѣ о. Богородицкаго 13 октября 1882 года поступилъ вновь рукоположенный священникъ о. Іоаннъ Третьяковъ—студентъ Орловской духовной семинаріи. По окончаніи курса въ означенной семинаріи, онъ поступилъ надзирателемъ въ Астрах. духовное училище, гдѣ пробылъ съ 1 августа 1881 года по октябрь 1882 года. Въ Кормовомъ о.

Іоаннъ прослужилъ до іюня 18 8 года, а въ семь году Епархіальнымъ Начальствомъ переведенъ въ слободу Владиміровку къ церкви Владиміровской Божіей Матери, гдѣ и нынѣ благополучно священствуетъ. При о. Іоаннѣ храмъ приведенъ въ тотъ именно видъ, въ какомъ онъ находится въ настоящее время.

Говоря о священникахъ, необходимо упомянуть и о псаломщикахъ, хотя свѣдѣній подробныхъ о нихъ не имѣется. Извѣстно изъ церковныхъ документовъ, что съ 1858 по 1861 годъ включительно при этой церкви не было штатнаго причетника; вѣроятно потому, что сюда, какъ глушь и малоприходность, не отыскивалось охотника. Должность псаломщика отправляли села Ремонтнаго дьячекъ Михаилъ Ивановъ Ростовцевъ и пономарь Василій Яковлевъ Царевскій.

Съ 1861 года по 1864 годъ былъ опредѣленъ дьячкомъ Иванъ Порфирьевъ Пурпуровъ. По отзывамъ мѣстныхъ жителей, онъ былъ характера тихаго, кроткаго, жизни трезвой, къ должности исправенъ. Умеръ онъ въ декабрѣ 1864 года отъ простуды. Причина, преждевременной его смерти (онъ умеръ молодымъ), какъ передаютъ, была слѣдующая: мѣстный священникъ о. Кутлинскій, по распоряженію бывшаго благочиннаго священника о. Θεодора Орлова, настоятеля Черноярскаго округа, командировалъ его съ доставкою годичной отчетности въ г. Черный-Яръ, отстоящій отъ села почти на 400 верстъ. Зима была суровая, съ постоянными мятелями, а потому на пути къ Черному-Яру онъ сильно простудился и заболѣлъ и по сдачѣ отчета благочинному на обратномъ пути домой, въ селеніи Солонникахъ — умеръ.

Въ 1867 году генваря 1 дня поступилъ дьячекъ Дмитрій Петровъ Покровскій, умершій въ 1868 году мая 28 дня, какъ видно изъ метрическихъ книгъ за сей годъ. На мѣсто его 1869 года апрѣля мѣсяца поступилъ изъ Царевскаго уѣзда, села Житкура, дьячекъ Димитрій Андреевъ Иконицкій, который пробылъ здѣсь до мѣсяца іюля этого-же года, а затѣмъ за неодобрительное поведеніе былъ уволенъ изъ духовнаго званія.

На мѣсто выбывшаго въ октябрѣ 1870 года опредѣленъ былъ Епархіальнымъ Начальствомъ на вакансію причетника свя-

щенникъ Николай Ивановъ Николаевъ, который пробылъ до апрѣля 1871 года, когда онъ переведенъ былъ священникомъ въ село Дубовый-Оврагъ, Черноярскаго уѣзда.

За выбытіемъ о. Николаева, на должность псаломщика поступилъ Василій Васильевичъ Парабучевъ, дьяческій сынъ; обучался до 3 класса духовнаго училища. Въ 1872 году августа 6 дня посвященъ въ стихарь. Въ 1877 году 21 октября объявлена ему благодарность и благословеніе Божіе за исправность по службѣ. Въ 1882 году онъ Епархіальнымъ Начальствомъ былъ переведенъ въ г. Царевъ, съ посвященіемъ во діакона, а нынѣ онъ священствуется въ миссіонерскомъ Уланъ-Эргенскомъ станѣ. Послѣ него поступилъ Алексѣй Михайловъ Варѣоломѣевъ, изъ волостныхъ писарей; дьяческій сынъ, уволенный изъ 3 класса духовнаго училища. Онъ пробылъ псаломщикомъ до 1887 года, а потомъ былъ переведенъ въ село Верхне-Погромное.

Въ настоящее время причтъ состоитъ изъ священника В. К—каго, назначеннаго 25 іюля 1889 года, и псаломщика Дмитрія Дубянскаго, служащаго съ 27 января 1888 года.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о климатическихъ условіяхъ здѣшней мѣстности. Климатъ умѣренный, здоровый. Никакихъ повальныхъ болѣзней здѣсь нѣтъ и не было. Единственное, что наводитъ робость на новичка, это иногда проявляющаяся здѣсь сибирская язва на людяхъ. Пораженіе ея ужасное. Даже глазамъ не вѣришь иногда, погребая человѣка, дня два — три тому назадъ здоровью котораго дивился всякій. Но благодареніе Богу, такіе печальные случаи, хотя и бываютъ, но рѣдко. Народъ научился ее вырѣзывать и выжигать, что и помогаетъ, если боль бываетъ замѣчена своевременно. При другихъ болѣзняхъ, обыкновенно, не прибѣгаютъ ни къ какимъ средствамъ и врачевствамъ; все возлагается на врача душъ и тѣлесъ — Бога.

Священникъ В. Кряжимскій.

